

МАРАТ ВАЛЕЕВ

Мужчина ее мечты

Марат Валеев

Мужчина ее мечты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33169609

ISBN 9785449081421

Аннотация

Любовь – дело, конечно, серьезное и ответственное. И значительная часть рассказов сборника «Мужчина ее мечты» это подтверждает. Но в любовных отношениях всегда есть место для иронии и доброго юмора, незлобивого подтрунивания партнеров друг над другом, каких-то забавных коллизий, отчего они, эти отношения, приобретают особую остроту и вкус и становятся только крепче, чему посвящена более легковесная часть этой книги – юморески и миниатюры. Читайте, удивляйтесь, улыбайтесь и продолжайте любить!

Содержание

Соседка	5
Яблоня	22
Гномики	33
Роман с Юриком	47
Ключ	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Мужчина ее мечты

Марат Валеев

© Марат Валеев, 2018

ISBN 978-5-4490-8142-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ, МИНИАТЮРЫ И ЮМОРЕСКИ

Любовь – дело, конечно, серьезное и ответственное. О чем и свидетельствует некоторая часть рассказов сборника «Мужчина ее мечты». Но в любовных отношениях всегда есть место для иронии и доброго юмора, незлобивого подтрунивания партнеров друг над другом, каких-то забавных коллизий, отчего они, эти отношения, приобретают особую остроту и вкус и становятся только крепче. А вот об этом вам поведают юморески и миниатюры этого же сборника. Читайте, дорогие друзья, удивляйтесь удивительному, улыбайтесь веселому и продолжайте любить!

Соседка

Ее звали Тома. Она жила этажом ниже, с мужем и малолетним пацаном. Петр Тимохин тоже не один, с женой и дочерью. Но уж так устроен мужик, что одной бабы ему всегда мало, и он всегда косится на сторону.

На эту тему существует целая научная теория. Если популярно, то мужик как самец просто обязан осеменять как можно большее число самок, чтобы поддерживать свою популяцию. Петр подозревал, что эту теорию в свое оправдание разработал какой-то ученый блядун. Но многим мужикам она нравится. И Петру в том числе.

Он косился на соседку Тому. А там было на что коситься. Рыженькая, зеленоглазая, стройненькая, с миловидным личиком. А ножки! С ума сойти, какие у нее были ножки! Беленькие, гладенькие, с идеально круглыми коленками.

Тома знала убойную силу красоты своих ножек, и умело их подавала. Все ее платья, юбки, куртки и даже шубки были сантиметров на десять выше коленок. А колготки, чулки были только заманчивого телесного цвета. И когда она шла, грациозно покачиваясь и сверкая своими чудными коленками, глаз от этого зрелища было просто не оторвать. Любимой ее обувью были красные сапожки на аккуратных невысоких каблучках. И в этих сапожках Тамара выглядела совершенно неотразимой!

Она, чертовка, знала, что Петр не упускает возможности полюбоваться ею, ее фигуркой, пленительными ножками. И всегда лукаво улыбалась, когда проходило мимо, слегка потупив свои зеленые глаза.

Тимохину было чуть за тридцать, ей лет двадцать пять. Кровь волновалась в обоих, взаимная симпатия все увеличивалась и явно грозила перерасти из безвинного пока состояния в нечто предосудительное. Ну да, у Тома был муж, у Петра жена. И законы моральной устойчивости и супружеской верности никто не отменял. Но человек, увы, слаб, и рано или поздно поддается искушению. Особенно если оно, это искушение, ходит рядом и сверкает такими чудными коленками.

А сложившая коллизия разворачивалась таким образом, что их буквально толкало друг к другу. Тамара сидела дома с годовалым пацаном. На жизнь им зарабатывал ее муж, угрюмый и нелюдимый парень, ни с кем в подъезде не водивший знакомство и имени которого Петр до сих пор не знал, хотя в одном доме они жили уже не один год.

Петр тоже частенько оставался дома один – он числился фотокорреспондентом в районной газете, и поскольку фотолаборатории в редакции не было, снимки для газеты делал у себя на кухне, плотно задрапировав окно одеялом (надеюсь, читатель уже уяснил, что описываемое событие относится к тому времени, когда цифровых фотоаппаратов еще не было).

И вот однажды, когда Тимохин с утра остался проявлять и печатать снимки из очередной своей поездки в совхоз, в дверь квартиры позвонили.

Петр чертыхнулся и пошел открывать дверь. И опешил, увидев на пороге объект своих вожделений. Тома была в тапочках с помпонами, в коротеньком, да еще незастегнутом на последнюю пуговицу, халатике.

Тамара выглядела слегка смущенной, легкий румянец окрасил ее обычно матовые щеки.

– Жена твоя дома? – спросила Тамара, глядя на Петра снизу вверх своими зелеными русалочьими глазами. – А я соды пришла у вас занять...

И только тут Петр увидел в ее руках фаянсовую кружку. Но в глазах Тамары Петр прочел совсем другое. И сода тут была вовсе ни при чем. Не отводя своего взгляда от Тома, Петр молча обхватил ее тонкую талию и рывком притянул к себе.

Молодая женщина тихо ойкнула и, несильно стукнув Петра зажатой в руке кружкой по спине, тоже обняла его и запрокинула голову, приоткрыв зовущие губы. Петр тут же впился своими губами в ее яркогубый маленький рот.

А потом, не совладав с собой, подхватил Тому на руки, намереваясь тут же отнести ее к дивану в гостиной.

– Нет, нет, не сейчас! – задыхающимся голосом запротестовала Тамара. – Сын дома один остался. Если сможешь, зайди вечером. Или завтра днем. У меня Николай позавчера

уехал на сессию.

Ага, значит, этого вечно угрюмого везунчика (такую жену себе отхватил!) зовут Николаем. И что она в нем нашла?

– А где он у тебя учится? – глупо улыбаясь от охватившего его счастья – такая женщина, мечта его последних дней, сама падает ему в руки! – спросил Тимохин. – И надолго уехал?

– В Иваново, заочник он, – заговорщицким тоном сообщила Тома. – На целый месяц.

На целый месяц! У Петра даже дыхание перехватило от возбуждения. Вот это да! Целый месяц в его распоряжении. И Тома. Это, ему понятно, будет их месяц, иначе зачем бы она сказала об этом Петру. Хотя не месяц – два дня, с учетом сегодняшнего, уже теряются. А если прямо сейчас занырнуть к ней?

– Сейчас не получится, – улыбнувшись и снова прижавшись к Петру, предугадала его желание Тома. – Свекруха вот-вот должна подойти, звонила уже. Так что только вечером. Или завтра днем. Ну, ладно, я пошла.

Она помахала на прощание пустой кружкой и повернулась к выходу.

– Постой, а соду-то ты не взяла! – спохватился Петр.

– Дурачок! – засмеялась Тома, и прикрыла за собой дверь. Послышался легкий шорох ее удаляющихся шагов.

Целый день Тимохин был как на иголках, от не оставляющего его волнения заporол кучу фотобумаги – то передержит, то не додержит. После обеда он повез фотографии в ре-

дакцию, и все пятнадцать минут, пока шестой маршрут плелся до его остановки, думал о Томе и капал слюной.

– А текстовки к ним кто будет писать? – сердито спросил редактор, когда Петр, положив пачку фотографий на его стол, хотел было тут же улизнуть.

– Так мы же с Каретовым ездили, пусть он и напишет, – недовольно сказал Тимохин. – Он сам говорил, что у него будет штук пять зарисовок и пара репортажей с этими фотографиями.

– Нету Каретова, – хмуро сказал редактор. – Вы, случайно, не квасили в совхозе?

– Ну, было чуть-чуть, – признался Тимохин. Он уже догадывался, в чем дело – наверняка завсельхозотделом Каретов, когда они поздно вечером вернулись в город на редакционном уазике, пошел «догоняться», а сегодня вот не вышел на работу.

– Выгоню его когда-нибудь, к чертовой матери! – чертыхнулся редактор. – Ладно, давай так: ты мне даешь в этот номер хотя бы два-три снимка с развернутыми, строк по сорок, текстовками, а я тебе за это двойной гонорар. Идет? Каретова теперь дня три не будет, сам знаешь.

– Ладно, – с неохотой согласился Тимохин. – Но напишу я их дома.

– Но чтобы с утра как штык!

– А то! – весело сказал Петр.

Дома, после того, как они всем своим небольшим семей-

ством посмотрели очередную серию «Семнадцать мгновений семьи» – девятилетней дочери Настеньке это тоже разрешалось, при условии выполненных уроков, и настала пора укладываться спать, Николай сказал, что еще поработает.

В их малогабаритной двушке рабочего кабинета у Петра, конечно, не было – в зале спала дочь, в спальне, естественно, сами родители, и жена Лена привыкла уже к тому, что муж использовал под кабинет кухню.

Здесь он делал фотографии, читал, писал – Петр хоть и был всего лишь фотографом, но никогда не упускал возможности подзаработать и на текстах, в которых их маленькая, но очень прожорливая трехразовая газета всегда остро нуждалась. А покурить спускался на улицу или же дымил в подъезде, в зависимости от времени года.

Лена, уже привыкшая к такому распорядку, да и к тому, что Петр как муж в последнее время к ней несколько охладел – нет, любить и уважать ее как мать своего ребенка он не перестал, просто в их отношениях поубавилось пылкости, – спокойно отправилась в спальню одна.

Петр положил перед собой на столе стопку писчей бумаги, раскрыл блокнот с последними записями, и начал писать развернутую текстовку – как и просил редактор, – к первому снимку. Это был мастер-наладчик из тракторно-полеводческой бригады по фамилии Букашкин.

В любое другое время он бы еще раз просмеялся над этой забавной фамилией, тем более, что носитель ее был здоро-

венным, под два метра, мужиком с пудовыми кулаками, никак не похожим на букашку, и гаечный ключ, с которым он сурово позировал, в его кулаке был похож на игрушечный.

Но из головы Петра не шло видение: там, внизу, как раз под его квартирой, разгуливает сейчас в коротеньком халатике, обнажающем стройные, немного полноватые ножки, или уже лежит в постели, разбросав эти самые ножки, и возможно, думает о нем эта чертовка Тамара. И Петр, отгоняя эту соблазнительную картинку, тряс головой и кусал губы.

После долгих творческих мук, перебиваемых настырными эротическими видениями, он все же написал одно предложение: «Афанасия Букашкина, мастера-наладчика второй тракторно-полеводческой бригады совхоза «Путь Ильича», не зря называют «мастер золотые руки». И пошел курить.

Выйдя в подъезд он, как был в тапочках, спустился на первый этаж, задержался на секунду у обитой кожей двери Тамары и, оглянувшись по сторонам, припал к ней ухом, задержал дыхание. Из-за двери слышалось негромкое бормотание телевизора.

«Не спит!» – взволнованно подумал Петр, поднес было палец к кнопке звонка, но тут же отдернул его. Сбежал вниз, сел на лавочку у подъезда и трясущимися руками воткнул в рот сигарету, прикурил, ломая спички.

«Идти сегодня к Томе, не идти? – лихорадочно размышлял он. – Ах, как хочется!.. Но ведь так и попасться недолго. А вдруг Лена или дочь проснутся – в туалет там, водички

попить, а меня нет на кухне. Хотя они обе знают, что он ходит курить в подъезд – не лезть же каждый раз в спальню, откуда и был выход на единственный балкон... Нет, так дела не делаются. Надо будет или командировку придумать на пару деньков, или просто остаться дома – фотографии делать, и прошмыгнуть к Томе средь бела дня...»

Вот, блин, проблема-то свалилась неожиданная на его голову. Но отказываться от соседки, самой выбравшей его для романтических отношений, вовсе не хотелось.

Так ничего не решив и выкурив две сигареты подряд, Петр поднялся к себе. Дома было тихо, жена и дочь продолжали дрыхнуть – одна в супружеской постели, другая на диване в гостиной.

Петр снова уселся за стол, принялся за второе предложение текстовки к фотографии этого мордоворота Афанасия Букашкина: «За что бы он ни взялся этот мастер, все горит в его руках...».

Редактор наверняка поморщится и вычеркнет эту строчку. Ну и ладно, на то он и редактор. Интересно, а что он напишет взамен? Хотя куда интереснее, что сейчас делает Томочка. Продолжает его ждать у вполголоса бормочущего телевизора, или уже заснула?

Петр поглядел на наручные часы – пошел уже первый час ночи. А ведь точно заснет без него! Может, рискнуть, а? Вон же, выходил покурить, как обычно он всегда делает, когда работает ночами, никто из домочадцев и не ворохнулся,

привыкли уже...

А коварное распаленное воображение между тем продолжало рисовать перед ним картинки, главными персонажами которых были он и соблазнительная соседка Тома. Да такие красочные и недвусмысленные, что Петра прямо за столом настигла мучительная и устойчивая эрекция. Эта мука становилась уже невыносимой и требовала немедленной разрядки.

И Петр, так и не взявшись за третье предложение, решительно отложил ручку в сторону, затолкал в карман спортивных штанов сигареты и спички, и снова пошел – как бы курить. «Минут за пятнадцать-двадцать управлюсь, – лихорадочно думал он, крадучись спускаясь по лестнице. – Для первого раза достаточно. А там поглядим...»

Он нажал на кнопку звонка у знакомой двери. И она почти тут же бесшумно распахнулась – Тома как будто все это время стояла в прихожей и ждала Петра.

Выглянув за дверь и, быстро осмотревшись по сторонам, она схватила Петра за рубашку и втащила его в прихожую, захлопнула за ним дверь. Тут же закинула ему теплые оголенные руки на шею, привстала на цыпочки и, прижавшись упругой теплой грудью с неожиданно твердыми сосками, впиалась в губы. От нее исходил кружащий голову аромат – видимо, надушилась чем-то импортным. Во всяком случае, Ленка так одуряюще никогда не пахла.

Не прекращая целоваться, они мелкими шажками про-

семенили в гостиную и упали на раздвинутый диван (Петр успел самодовольно про себя отметить – «ждала таки!»). И только он навалился на Тому, как даже через шум в ушах от пульсирующей возбужденной крови расслышал шлепки босых ног там, наверху, в своей квартире.

Петр обмер: неужели дочь проснулась и пошла в туалет? Сейчас обнаружит, что на кухне свет горит, а его нет, и пойдет, разбудит мать. Хотя какая ей разница, на кухне он или нет? Может, просто забыл выключить свет, и ушел спать к матери... А если это не дочь бродит, а жена проснулась, а его нет? Выглянет в прихожую, а его и там нет...

– Ну, ты чего? – недовольно спросила Тома.

– Да так, ничего, вроде слышалось, – отдуваясь, прошептал Петр.

– Э, да у тебя и правда ничего, – разочарованно протянула Тома, почувствовав сникшее настроение Петра. – Ты чего напугался, дурачок? Никто сюда не зайдет, не бойся. Ну, ну, давай... Чего ты?

Но Петру «давать» было нечем. Тогда раззадоренная и не желающая оставаться ни с чем, Тамара взяла инициативу в свои руки.

Петр сгорал от стыда, но не противился стараниям Тома, тем более, что ему это было приятно, даже очень. Наконец, он воспрянул духом и плотью и был готов вознаградить Тамару, но тут слышался приглушенный детский плач из спальни. И как ни пытался распалившийся Петр

удержать Тому, та вырвалась и убежала к разревевшемуся сыну, бросив на ходу:

– Подожди, я сейчас!

Петр чувствовал, что его бесплодный пока визит к соседке затянулся и лучше бы ему вернуться домой, пока не поздно. Но какая-то сила буквально пригвоздила его к дивану: он не хотел уйти вот так, впустую. Тем более, что возрожденная с помощью Тамары готовность его продолжала оставаться на высоком уровне.

И когда Тамара, наконец, вернулась, он откинул простыню, демонстрируя эту готовность. Та хихикнула:

– Вижу, вижу!..

И сама оседлала его. И у них получилось! Почти. Потому что спустя пару минут раздалась трель дверного звонка. В ушах Петра она прозвучала как грохочущая очередь крупнокалиберного пулемета, и он даже не заметил, как с перепугу с такой силой толкнул с себя Тому, что та шлепнулась на пол и громко выругалась:

– Ты что, совсем одурел со страху, козел?

– Так звонят же! – свирепо прошипел Петр, возя руками по дивану. – Где тут мои штаны были?

– Да пусть хоть зазвонятся, я никому не открою, – попыталась было успокоить его Тома, вставая с пола и вновь устраниваясь на диване

Но Петра уже буквально колотило, и он трясущимися руками натягивал одну штанину сразу на обе ноги.

– Я тебя прошу – посмотри в глазок, кто там, не Ленка моя?

– Ой, трус-то како-ой! – насмешливо протянула Тома. – И чего я только на тебя глаз положила, спрашивается...

Но к двери пошла, наверное, специально при этом повиливая круглой попой. Петр, глядя ей вслед, с сожалением отметил: «Эх, блин, какая фигурка. Какая фигурка, а!?».

Справившись, наконец, со штанами, он заспешил в прихожую.

– Ну, кто там?

– Да никого, – оторвалась от глазка Тома. – Может, соседка моя, Петровна, была? Она как поддаст, так обязательно шляется по подъезду, ищет собеседников.

– А ну-ка...

Петр нагнулся, заглянул в глазок. На площадке, во всяком случае, в поле его зрения, действительно никого не было. А любвеобильная Тома в это время прильнула к Петру сзади, запустила бессовестную руку ему в штаны.

– Ты что, уже оделся? – жарко прошептала она. – Нет, так дело не пойдет. А ну, марш на диван! Я еще не все сказала...

Но перенервничавший и перетрухнувший Петр понимал: ничего у него сегодня больше не получится. И ему надо молить Бога, чтобы домашние не обнаружили его отсутствия, хотя прошло уже – о, черт! – почти час!

– Извини, Тома, – проникновенно сказал он, мягко извлекая ее шаловливую ручку из своих штанов. – Давай в следу-

ющий раз, ладно?

– А следующего раза может не быть!

В голосе Тома прозвучали одновременно и горечь, и обида. Но Петр уже не слушал ее, а еще раз взглянув в глазок, щелкнул задвижкой и вышел на площадку, прислушался. Вроде тихо. И он на цыпочках стал подниматься по лестнице.

– Эй!

Петр испуганно обернулся.

– Тапочки свои заberi, альфонс недоделанный!

Из полуоткрытой двери высунулась белая рука с зажатыми в ней тапками и швырнула их на площадку. Пластиковые тапки упали на бетон с дробным костяным стуком. Петр зажмурил глаза. Но в подъезде по-прежнему царила тишина.

Петр подобрал тапки и, держа их в руке, продолжил восхождение на свой этаж в носках. Остановившись перед дверью, он перевел дыхание, прислушался. Нет, дома у него все спокойно. Уф, пронесло, отсутствие Петра, похоже, так и осталось незамеченным – его девочки продолжали безмятежно спать.

Сунув ноги в тапки и на всякий случай вытащив из кармана сигареты со спичками и держа их перед собой (да вот, покурить выходил!), Петр уверенно потянул дверь на себя. Она открылась и неожиданно с негромким лязгом застыла. Цепочка!

Кто-то запер дверь изнутри на цепочку. Не дочка же. Зна-

чит, Лена. Не нашла его ни в подъезде, ни у подъезда, и закрылась. Но не совсем, а на цепочку. Вот и понимай это, как хочешь: вроде бы дверь в дом и не совсем заперта, и в то же время войти невозможно. Блин, все у этих баб с какими-то вывертами!

Петр даже вспотел от нервного напряжения. Что делать? Позвонить? Или потихоньку через щель позвать жену? Так она может такой тарарам устроить, что весь подъезд проснет-ся и с интересом будет вслушиваться в бесплатный концерт.

Нет уж, такого удовольствия он никому не доставит! И Петр, запустив свою длинную худую кисть в дверной зазор, стал нащаривать конец цепочки, чтобы выдернуть ее из паза и распахнуть дверь.

Но цепочка была короткой – Петр специально сам выби-рал такую, чтобы никто, ни с короткими, ни с длинными ру-ками, не смог проникнуть в их жилище, когда они спят с при-открытой для сквозняка дверью в летние душные ночи.

Из-за узкого зазора рука его не могла выгнуться под нужным углом и зацепить цепную задвижку. Петр и сопел, и кряхтел, но у него ничего не получалось. И от неожидан-ности он даже слегка присел, когда вдруг услышал негром-кий, но ядовитый голос Лены:

– Может, помочь?

Петр совладал с собой и с напускным раздражением ска-зал:

– Ты зачем закрылась? Я ж покурить выходил...

И продемонстрировал половинке бледного лица жены с одним рассерженно блестящим карим глазом в узком дверном проеме сигареты и спички.

– А ну дыхни!

– Чего? – не понял Петр. – Ты думаешь, что я пил где-то? Так на, нюхай!

И с силой выдохнул под нос Лены.

– Да, не пил, – согласилась она. – Но и не курил. Табаком от тебя не пахнет. Зато воняет чужими духами. И я, кажется, знаю, чьими...

– Да что ты знаешь, что ты знаешь, – торопливо забормotal Петр. – Я точно курил на улице. Но потом у меня голова заболела, и я решил прогуляться вокруг дома. По свежему воздуху. Зато сейчас голова не болит. Ну,пусти меня, Лена!

– Не болит? – спокойно переспросила Лена. – Зато сейчас заболит!

В дверную щель вдруг просунулся зачехленный зонт, загнутой массивной рукояткой вперед, и ошеломленный Петр не успел отклониться. В подъезде раздался громкий деревянный щелчок – Лена угодила мужу точно в лоб.

– Иди туда, откуда пришел! – гневно прошипела она, втягивая зонт обратно. – Привет передавай от меня этой сучке Томе. С ней я завтра разберусь. А ты пошел вон, кобель!

И дверь с треском захлопнулась. Ошеломленный Петр застыл на месте как столб, потирая ушибленный и начавший распухать лоб. Потом разозлился и с силой нажал на кнопку

звонка, не отнимая от него онемевшего пальца, пока дверь опять не раскрылась – так же на ширину цепочки.

– Я сказала тебе – не пушу! – опять яростно сверкнула одним глазом в дверной зазор Лена. – Нам предатель не нужен!

– Да что ты такое говоришь, Леночка! – заканючил Петр. – Не был я ни у кого! И вообще – не имеешь права меня не пускать, я тут прописан!

– Ах, ты тут прописан! – зашла от злости Лена. – А чья это квартира, тебе напомнить?

Да, квартиру пять лет назад получила жена, работающая бухгалтером в ПМК. До этого они мучились в малосемейке. Но он же действительно здесь прописан. И они, как бы там ни было, семья...

Однако Лена была непреклонна. Она была до глубины души оскорблена изменой мужа и не собиралась его прощать.

– Иди, иди давай отсюда, туда, откуда пришел! – настойчиво повторяла она, уже начиная заливаться слезами.

– Мама, мама, что случилось?

Это проснулась дочь и вышла к матери в прихожую. Лена еще раз с ненавистью сверкнула глазом и захлопнула дверь. Слышно было, как она, всхлипывая, говорила дочери приглушенным голосом: «Ничего, доча, ничего не случилось. Это тебе показалось. Идем спать ко мне...»

Петр впал в проstration. Вот так номер! Сходил, что называется, на блядки! Как же он, дурак, мог забыть народную мудрость «Не живи, где...» Или наоборот: «Не ..., где жи-

вешь». А теперь что делать?

«А-а! Раз она меня отправила к Томе, то и пойду к ней опять! – с отчаянием подумал он. – А если Ленка и в самом деле попрет меня, то хоть буду знать, за что...»

Он быстро сбежал на первый этаж, позвонил в Томкину дверь. Она не открывала. Петр снова надавил на кнопку. Наконец, дверь распахнулась, и так же, как давеча у него дома, на ширину дверной цепочки.

У Тома цепочка была длиннее, и потому Петр видел все ее искаженное злостью лицо, а не половинку, как у своей жены.

– Иди отсюда, казанова сраный! – свистящим шепотом сказала Тамара. – Я все слышала. Попробуй только признаться жене, что был у меня! Понял?

– Да понял, понял, – упавшим голосом сказал Петр.

– Ну и спокойной вам ночи! – хмыкнула Тома, и тоже захлопнула дверь.

И Петр поплелся вверх. Может, пустит его Ленка? Жена же, как-никак. Пока еще...

Яблоня

1

...Муж навалился на Марину, как колода и, дыша перегаром, дрыгнулся раз десять-пятнадцать, довольно хрюкнул и, отвалившись к стенке, тут же захрапел.

Женщина, раздраженно сопя, встала с постели, рывком стащила со спинки кровати свой халат, накинула его поверх голого тела и босиком прошлепала во двор.

– Козел, импотент! – мрачно сказала Марина в пространство, присаживаясь на лавочку под любимой яблоней и нащаривая в кармане халата дрожащей рукой сигареты и спички. – Ну что ж мне теперь, любовника себе искать?

Стояла теплая июльская ночь, полная рябоватая луна старательно поливала своим неживым светом этот небольшой поселок Чубаровку на полтыщи душ, в котором жил всяческий простой и не очень люд, со своими радостями и горестями, в том числе и продавщица коммерческого киоска Марина со своим Егором.

Было уже далеко за полночь, и почти все чубаровцы спали праведным сном. А вот Марине вновь приходилось маяться, как какой-нибудь девке-перестарке, от сексуальной неудовлетворенности. И это при живом-то муже!

Им обоим было за сорок. Егор был вторым мужем Марины. Первый и любимый, Степан, погиб семнадцать лет на-

зад – разбился на мотоцикле. С ним она родила и вырастила дочь Олесеньку, которая сейчас была замужем и жила в областном городе. Со Степаном у Марины все было хорошо. И пил в меру, и не бил ее, и в постели был мастеровит. А чего еще надо бабе?

Но вот судьба распорядилась так, что врезался ее Степушка в столб на своем мотоцикле. И выпил-то в тот день немного, да вот, видать, расслабился. Реакция подвела. И сам до смерти покалечился, только надсадное «А-а-а!» и успел сказать, когда подняли его из кровавой пыли, и навсегда закрыл свои ясные очи.

Мотоцикл тоже расхреначил, одно днище от коляски вон осталось целым, и второй муж Марины, Егор, приспособил его потом для перевозки чернозема да навоза на грядки, смастерив тачку. И столб еще тогда свалился, порвал провода, и Чубаровка на целые сутки осталась без света. И всяк чубаровец в тот день не столько жалел, сколько проклинал ее бедного Степоньку.

Ну так, а как же: у кого футбол был на вечер с пивом запланирован, у кого сериал с семечками. А тут на тебе – тьма кромешная. И еще долго вспоминали чубаровцы тот день не как печальную дату гибели Степана, а как аварию на линии, которую он же, Степа, и должен бы бы, по хорошему-то, сам устранять как электрик. Вышло же вон как – ни людям электрика, ни ей мужа.

Похоронив своего любимого Степана, Марина долго не могла прийти в себя и на мужиков не смотрела. Так, поглядывала разве. Душу изливать она приходила вот к этой яблоньке -анису, посаженной Степой в честь рождения их дочери. Он в шутку говорил, что размеры их сада будут зависеть от того количества детей, сколько они их произведут с Мариной. Но счет, увы, остановился на цифре один. Три годика было их дочурке Олесеньке. когда случилась эта трагедия с участием ее мужа, мотоцикла и того самого проклятого столба.

Так яблонька и осталась одна, рядом с несколькими кустами смородины.

Степан любил сидеть вечерами около нее, молоденькой, курить и мечтать, куда он будет девать яблоки из своего сада, когда со временем посадит их семь-восемь, в честь каждого своего ребенка. Но так и не дождался. А его место под анисом заняла Марина. Сюда она приходила поплакаться на свою горькую вдовью судьбинушку, попрекнуть Степушку за то, что так рано покинул ее.

Если бы кто видел ее в такие минуты, решил бы, что баба свихнулась: Марина обнимала ствол яблоньки, гладила по коре и говорила с деревцем (правда, все больше шепотом) как с живым человеком.

Но вскоре тоска по мужу отошла на второй план, а верх в ее чувствах и помыслах взяли прагматичность и здоровое женское начало. В доме нужен был мужик. И для поддер-

жания хозяйства, и для укрепления женского здоровья. Вот здесь и возникла проблема. Нет, мужики в Чубаровке, конечно, водились. Но все подходящие давно вертелись ужами в других цепких бабских руках. То есть, были несвободными. Некоторые из них посматривали на вдовствующую Марину масляными глазками, делали разные недвусмысленные намеки – Марина была не то, чтобы красавица, но очень даже ничего. В теле, белокожая, на высоких стройных ногах с соблазнительными круглыми коленками, с ясными честными глазами, которые так и лучились нерастроченной любовью.

Но женатиков Марина отшивала. Зачем ей была нужна слава гулящей бабы? А она бы непременно к ней пришла, стоило бы ей только раз дать слабинку. Ну, или два там дать, три – все равно эти шашни непременно бы всплыли. На то она и деревня, где черта с два что скроешь.

А среди холостых мужиков выбор в Чубаровке был очень скромный. Большинство неженатиков были еще пацанами. А те, что поматерее, жили убежденными холостяками, хотя таких на Чубаровку было всего штук с пяток. Или были спившимся синяками – этих в поселке было с десятка три. Хотя алкашей и среди женатых хватало. И все, осталась женщина, вся истекающая соком зрелости и половой пригодности, абсолютно неиспользованной.

Лишь через пять лет после гибели мужа Марина вышла замуж за этого Егора, переехавшего в Чубаровку из соседней Еловки и устроившегося работать электриком в местное

предприятие электросетей.

3

Егор отдаленно чем-то был похож на ее покойного Степу, такой же рослый, костистый, сероглазый. Да и то, что он занимался тем же делом, что и первый ее муж, тоже импонировало. Так что когда их свели – Егор оказался свободным, – Марина не противилась судьбе и с радостью приняла предложение Егора «жить вместе» – он так и говорил, не «вместе», а «вместя». А еще Егор произносил «надыть», «еслив» вместо «надо», «если».

Так говорили все их соседи еловцы, да и чубаровцы недалеко ушли, и поначалу Марину даже умилял этот забавный местный говор ее нового мужа – сама она давно уже отвыкла от местного диалекта, так как долго, лет шесть прожила в областном городе, где после ПТУ пыталась устроить свою личную жизнь, да так и не сумела и вернулась в родную Чубаровку, к мамке с папкой, которые в один прекрасный день «вместя» угорели в бане.

Но вскоре ее многое начало раздражать, а порой и откровенно злить во втором муже. Марина никак не могла приучить Егора есть с закрытым ртом, и когда он еще болтал при этом, то изо рта у него во все стороны летели брызги и кусочки пищи.

Да, она, конечно, могла бы этого и не замечать. Но были два обстоятельства, которые чем дальше, тем больше делали невыносимей жизнь этого Егора рядом с Мариной. Он всего

пару месяцев был «белым и пушистым», а потом стал пить, как и все чубаровские мужики. Однако и с этим еще как-то можно было мириться. Но Егор и как мужик оказался никудышным.

К сорока годам он совершенно потерял вкус к интимной жизни. Трезвым когда был, вообще не хотел (или не мог?). Охота у него, правда, просыпалась у пьяного. Но если другие мужики под влиянием алкоголя могли затянуть соитие на полчаса-час (так, во всяком случае, Марину радовал Степа, и она за этот час могла словить пять-шесть оргазмов), то у Егора получалось от силы минуты полторы, ну две.

Похоже, что у него начались проблемы по мужской части. Он часто вставал по ночам и сонным, спотыкаясь и ударяясь о мебель, брел в туалет, а пьяным мог и обмочиться в постели. Все же попытки Марины погнать Егора в районную больницу на предмет обследования, что там у него такого происходит, напрочь им отменялись.

Кто-то рассказал Егору, что врач обязательно залезет ему «в жопу пальцем», потому что без этого вроде нельзя поставить точный диагноз. А этого позора Егор снести бы не смог. Во всяком случае, так клятвенно божился он, пуча глаза и брызжа слюной, когда Марина в очередной раз напоминала ему о больнице.

Ну, и в итоге что? Живет, как вдова при живом муже...

Марина затоптала окуроч, встала со скамейки и привычно обняла яблоню:

– Эх, Степушка! – с жаром прошептала она, прильнув всем своим истосковавшимся по мужской ласке телом к теплему стволу аниса. – Как вспомню наши ночи, так жаром всю пробирает, веришь, нет? Как же ты мог меня оставить, дурачок!

Она прижалась щекой к гладкой, слегка шелушащейся коре, по щекам ее тихо скатывались и терялись в траве под ногами хрустальные шарики слез. Внезапно Марина почувствовала, что ствол яблони как будто слегка завибрировал, а ближайшие ветви с блестящей в свете луны листвой плавно нагнулись и... обвили ее.

4

Марина испугалась и попыталась отстраниться от ствола, упираясь ладонями в ствол. Но не тут-то было. Ветви лишь немного упруго подались назад и тут же спружинили, притягивая дрожащее от страха тело женщины обратно. При этом одна из верхних ветвей дерева стала ласково поглаживать ее тихо шуршащей листвой по волосам, как бы успокаивая.

И Марина в самом деле притихла, расслабилась и замерла в непонятном ожидании, потому что от яблони стали исходить – как их там, феромоны или флюиды? – нежности, любви и, она чувствовала это! – мужского нетерпения.

– Степушка, милый мой Степушка, ты, что ли, слышишь там где-то меня? – страстно шептала Марина, нежно оглаживая ствол. И вот уже ветви яблони все теснее стали прижимать ее к ставшему вдруг теплым, почти горячим, стволу,

одновременно нежно поглаживая ее по спине и ниже, а в тихом шелесте листвы явственно почудился знакомый шепоток Степана: «Маринка, Маринка моя, иди же ко мне!..»

Уже почти теряя сознание от отхватившей ее неги и страсти, Марина с ужасом и в тоже время с почти с животной радостью почувствовала: ею овладевают! И только так, как это делал ее любимый супруг!

...Марина пришла в себя, лежащей на прохладной траве. Серел рассвет, луна стала совсем бледной. Лениво побреживали собаки да начинали перекличку первые петухи. В теле Марины была необыкновенная легкость, на душе – покойно и благостно. То, что с ней произошло, было похоже, скорее, на эротический сон, которые в последнее время все чаще одолевали молодую неудовлетворенную, недолюбленную женщину. Но Марина не была ни напугана, ни удивлена – она просто приняла все, как есть.

Поднявшись с травы и накинув на плечи сползший к ее ногам халат, она прижалась к стволу и негромко спросила:

– Степа, это же... ты?

В это время налетел легкий утренний ветерок и листва яблони тихо прошуршала что-то в ответ, а ветви как бы согласно закачались. И Марина все поняла, как ей хотелось (а может как и было на самом деле?) Она снова прильнула к стволу дерева, по-прежнему, кстати, теплому, поцеловала его и прошептала:

– Спасибо тебе, любимый! Я не знаю, что это – чудо или

я с ума схожу, но я теперь к тебе буду приходить как можно чаще, ладно?

Ветви вновь пошевелились в ответ, и ветра при этом практически уже не было. Марина тихо засмеялась, нежно погладила гладкий ствол дерева на прощание и, легко ступая по утоптанной тропинке, пошла в дом, досыпать. А дрыхнувший без задних ног Егор так ничего и не услышал.

5

С тех пор Марина похорошела, повеселела, и даже бесчувственный Егор заметил эти преобразования в жене.

– Ты это чего, мать, влюбилась в кого, штоль? Смотри у меня! – шутливо грозил он ей.

– Да кому я нужна-то, старая такая, – нехотя отшучивалась Марина.

– Ты-то старая? А ну, иди сюда, щас проверим, какая такая ты старая! – пьяно гоготал снова набравшийся к концу дня халявной водки или самогонки Егор и тянул ее за руку на постель.

– Отстань! – все чаще жестко отвечала ему Марина. – Голова у меня болит сегодня. Да и посуда вон немытая. Спи давай!

– Опять голова болит? – недоумевал муж. Но его огорчения хватало ненадолго – вскоре он начинал прилежно храпеть на их супружеской постели, не дождавшись, пока Марина придет к нему с кухни.

А Марина, убедившись, что нелюбый спит, бежала к яб-

лоне, в которой – она теперь была в этом уверена! – поселилась не только душа, но и, как это сказать-то! – и часть тела Степушки, в нужный момент чудесным образом прораставшая из ствола яблони и так сладко утешавшая неизменно терпящую сознание Марину после того, как ветви яблони обвивали ее и тесно прижимали к себе.

Но однажды произошло непоправимое: некстати проснувшийся Егор вышел по надобности из дома и увидел невероятную картину: его обнаженная жена, вся обвитая ветвями сотрясающейся яблони и ритмично двигаясь по ее стволу вверх-вниз, страстно стонала и громким, свистящим шепотом произносила такие охальные слова, среди которых приличным было лишь одно: «Степушка!».

В ярком лунном свете эта картина выглядела настолько нереалистичной и кошмарной, что остатки хмеля разом вылетели из головы Егора. Он понял одно: это или он сошел с ума, или жена его – настоящая ведьма.

Егор зарычал, бегом вернулся в сени и, схватив топор, вернулся обратно во двор. Он потянул Марину за растрепавшиеся волосы на себя и, с большим усилием оторвав ее от яблони, отшвырнул в сторону.

Марина, как была с блаженной улыбкой на лице и закрытыми глазами, так и осталась лежать на траве, бесстыдно раскинув руки и ноги. А Егор размахнулся топором и, сверкнув его острием, с хеканьем ударил по стволу раз, другой...

Третий раз он ударить не успел: яблоня вдруг обхватила

Егора всеми ближайшими ветвями, притянула его к своему стволу и так прижала к себе, что он уже не мог ни охнуть, ни вздохнуть. Топор выпал из его ослабевшей руки, он закатил глаза, по телу его пробежали конвульсии и через несколько минут он упал на траву рядом с деревом бездыханным.

Но и яблоня, получившая страшные раны от ударов топора, надломилась в месте порубов, медленно склонилась к все еще лежащей без сознания Марине и тихо и нежно накрыла ее, нагую, своими ветвями с мелко дрожащими листьями как зеленым лоскутным одеялом...

6

А над Чубаровкой привычно зарождался рассвет нового дня, в котором уже не было места двум существам: тому, что вселился было в яблоню, и погубленному им несчастному сопернику Егору. И это еще только предстояло осознать начавшей приходить в себя от утренней прохлады, окончательно овдовевшей минувшей ночью Марине...

Гномики

1

Коля Овечкин был замухрышкой. И у себя в деревне он был такой, и после того, как перебрался в большой миллионный город, мало что изменилось в его облике: такой же маленький, полтора метра с небольшим, росточек, такая же несуразно большая кудлатая голова поверх тощего тельца, и такая же отстраненная улыбка на бледном носатом лице.

В деревне они жили вдвоем с матерью в развалюхе у самой околицы, на мамину инвалидскую пенсию, ну и там еще на некоторые приработки Коли типа поколоть дров вдовым пенсионеркам, вскопать огород, или наоборот, выкопать, что там на нем выросло.

После того как Колина мама внезапно умерла, стало ясно, что выжить ему в деревне самому будет уже вряд ли возможным. Вот тогда дядя Андрей и забрал своего племяша в областной город. А Коля забрал с собой единственную ему дорогую вещь – резинового гномика с вытертой уже краской и с дырочкой-свистком в боку. Гномика мама подарила любимому сыну Коле в день его пятилетия, и он с ним с тех пор не расставался. Даже сейчас, когда ему было уже под тридцать.

2

В городе дядя Андрей устроил племяша в домостроитель-

ную бригаду своего приятеля. Тот, как только глянул на Колин отсутствующий взгляд, на его замухрыженный вид, заартачился было. Но литр водки и кило копченого сала сделали свое дело.

Колю выучили на курсах стропальщиков, и он скоро довольно успешно стал справляться со своими немудреными обязанностями. Ловко, как обезьяна, вскарабкавшись на торцы железобетонных плит разной конфигурации, он зацеплял их крюками строп подъемного крана, пискляво кричал «Вира!», и панель плавно уплывала вверх и крепилась монтажниками к другой панели, и строящаяся девятиэтажка медленно, но верно поднималась все выше и выше.

Над Колей беззлобно подтрунивали в бригаде, как над самым маленьким и простодушным, но он никогда не обижался, лишь улыбка на его лице становилась шире и осмысленнее. Нет, он не был ни аутистом, ни дауном – кто бы его, такого, взял на работу, а просто слегка отставал в своем развитии. Ну, лет так на десяток-пятнадцать. Каких-то витаминов, наверное, ему не хватило.

3

Вскоре члены бригады стали замечать, что Коля-то у них, оказывается, очень охоч до женского полу. А выяснилось это следующим образом. Высотка, на которой они работали, строилась на оживленном проспекте, и мимо в эти погожие летние дни проходило много всякого народа, спешащего по своим делам. И среди этого передвигающегося по тро-

туару пешеходного народа были, конечно, и женщины, в том числе и молодые и красивые.

И вот как только выдавалась свободная минутка, Коля стремглав неся к гофрированному ограждению вокруг стройплощадки и, став на специально принесенный им пустой ящик, через одно из окошечек, предусмотренных для утоления любопытства зевак, рассматривал проходящих женщин. При виде молодых и смазливых он откровенно капал слюной и даже пытался с ними заговаривать. Но от него или отмахивались или прямым текстом посылали в разные интимные места человеческого организма.

Овечкин в некоторых из этих мест очень даже не прочь был бы отметиться, но с ним этого даже к тридцати годам его бесхитростной жизни ни разу еще не случилось. Хотя, как все знают, еще великий Пабло Коэльо на этот счет патетически сказал: «Сами собой мечты явью не станут». Коля Овечкин, конечно, не знал, что там говорил Пабло Коэльо, и кто он такой вообще, этот Пабло. Но он интуитивно чувствовал, что рано или поздно все равно возобладает объектом своих желаний. То есть женщиной.

4

И вот однажды заболел сторож, ночами и по выходным дням охраняющий стройплощадку и практически живший в караульной будке. Замену ему почему-то быстро не удавалось найти. И бригадир похлопотал перед прорабом, чтобы Коля временно взял на себя и функции по окарауливанию

объекта – не женатый, каких-либо особых увлечений, чтобы посвящать им свои выходные, у него нет, и не пьет почти, кроме дешевого пива в больших пластиковых баллонах, к которому привык еще в деревне.

Коля с радостью согласился – у дяди Андрея ему жилось несладко, невзлюбила его злющая жена родственника, и только вслух не попрекала за каждый съеденный Колей кусок (хотя с первой получки он отдал ей половину). И, кроме того, Коля своим хоть и недалеким, но достаточно пытливым умом понял, что именно в этой хлипкой сторожке может осуществиться его заветная мечта.

И в первый же выходной, оставшись полновластным хозяином стройплощадки, Коля ближе к вечеру, нетерпеливо тыкая в кнопки дешевенького мобильного дрожащим пальцем, набрал один из номеров эскорт-услуг (страницу какого-то журнальчика с кучей этих телефонов ему подарил сварщик Кеша Бубнов, с которым Коля как-то самым простодушным образом поделился своей заботой).

5

– Мне бы это... девушку бы, – стараясь придать своему голосу внушительность, пропищал он в трубку, даже не дождавшись окончания приветствия своего собеседника. – Причем срочно!

В трубке озадаченно помолчали. Потом густой бас произнес:

– Слышь, ты, пацан, тебе сколько лет-то? Может, тебе

не бабу надо, а бабушку, да построже, чтобы нашлепала тебе по жопе хорошенько. Ишь, девушку ему подавай. Да еще и срочно! Иди, делай уроки, двоечник, и не мешай людям работать...

И трубка замолчала. Коля мог бы позвонить по другому телефону – на вырванной из журнала страничке их было штук тридцать, если не больше. Но он понял, что и там может повториться такая же история, и его пошлют куда подальше, вместо того, чтобы прислать ему девушку. И Коля решил долбить в одну точку. Он снова набрал первый номер эскорт-услуг.

– Это опять ты? – удивился давешний бас, и даже густо хохотнул. – Вот баклан малолетний! Эротики что ли, по ящику посмотрелся?

– Я не баклан малолетний! – строго пропищал в трубку Коля Овечкин. – Мне уже тридцать лет, и я работаю на стройке. Это у меня просто голос такой. И никакой вашей эротики я не смотрел! Мне нужна живая женщина, и я ее вам заказываю!

– Тебе точно тридцать? – посерьезнел бас. – Ну, дела! А голос как у... Слышь, половой гигант, а деньги-то у тебя есть?

– А то, – солидно ответил Коля, и сладко обмер: похоже, вопрос с женщиной решается положительно!

– Расценки наши знаешь? – продолжал допытываться недоверчивый сотрудник сферы интимных услуг.

– Сколько? – почти безразлично спросил Овечкин. У него в кармане было около трех тысяч – может, хватит?

– Полторы тыщи за час, – сообщил его телефонный визави.

– Нормально! – обрадовался Коля Овечкин. – Беру, везите мне девушку.

– Куда ехать?

6

Коля объяснил: улица Алексеева, рядом с супермаркетом «Красный Яр» строится высотный дом. На углу – сторожка. Вот сюда и ехать.

– Где, где? – насторожился обладатель баса. – Какая еще, на хрен, сторожка?

– Да я здесь дежурю! – торопливо сказал Коля. – У вас какая машина будет? Ага, запомнил, встречу. Когда будете?

– Минут через двадцать, – все еще недоверчиво пробурчал деятель интим-услуг. – Но смотри, зёма, если тебя там не будет – из-под земли достанем и накажем. Крепко накажем! Усёк? Как тебя, кстати, зовут?

– Коля я. Овечкин Коля, – с достоинством пропищал Коля. – Жду.

– Ну, жди, – милостиво согласился невидимый собеседник. – И деньги сразу же готовь для расчета. Мы вперед берем...

Овечкин забегал по своей сторожке, наводя порядок. Он быстренько прогулялся по деревянному полу веником, бла-

гоговейно расправил старенькое одеяло на самодельном деревянном топчане, где совсем скоро должно свершиться то так долго ожидаемое им действие, которое превратит его в настоящего мужчину.

А еще он выставил на стол у окна с треснувшим пыльным стеклом свое любимое пиво «Толстяк», насыпал в тарелку горку чипсов – знал, что даму надо вначале угостить. И, умирняя сильно колотящееся сердце, спустился из своей будки по крутой полутораметровой лестнице вниз.

7

– Эй, пацан! – услышал он грубый окрик. – Поднимись-ка вот в эту будку и глянь, кто там есть. А я тебе за это жвачку дам.

На Овечкина из медленно подъехавшей иномарки выжидательно смотрел мордатый мужик лет двадцати пяти-тридцати. Кто еще находился в этой машине, видно не было из-за тонированных стекол.

– Не надо туда подниматься, – сглотнув слюну, сказал Коля. – Это я вам звонил.

– Тебе, что ли, телка нужна?

– Ага, – кивнул Овечкин. – Это я заказывал девушку.

Мордатый, рассматривая несуразную фигуру Овечкина, округлил глаза, потом заржал так, что выронил изо рта торчащую сигарету. Овечкин все это время терпеливо молчал.

– Ну ладно, – прекратив смеяться, но все еще улыбаясь и оглядываясь по сторонам, сказал мордатый. – Давай день-

ги.

– А девушка? – пискнул Коля.

Мордатый обернулся назад и что-то кому-то сказал. Выслушал ответ и рыкнул:

– Я те не пойду! А ну пошла!

8

Медленно открылась дверца иномарки, и на асфальт ступила длинная, обтянутая блестящей колготкой, нога в изящной туфельке. Затем появилась и сама обладательница красивой женской ножки, молодая девушка с копной рыжеватых волос, с недовольным, ярко разукрашенным лицом. Не то, чтобы красивым, но довольно приятным.

Она вылезла из машины и встала рядом, выпрямившись во весь рост. И оказалась выше Овечкина минимум как на полторы головы. На Овечкина она старалась не смотреть.

У Коли тут же пересохло во рту и бешено заколотилось сердце: неужели он сейчас будет обладать этой красавицей? Целый час? А если доплатить, то и два?

– Деньги! – требовательно прогудел здоровяк.

Коля торопливо вытянул из нагрудного кармана комбинезона три бумажки по пятьсот рублей, вложил их в протянутую руку сутенера. Тот мельком посмотрел на них и сунул к себе в карман пиджака.

– Через час я вернусь. Чтобы Анжелка стояла вот здесь!

– Ага! – согласно кивнул головой Овечкин. Анжела стояла неподалеку, не смотря ни на кого из них и переминаясь

с ноги на ногу.

Мордатый поочередно обвел их взглядом, как бы сравнивая, хохотнул еще раз и стронул машину с места.

9

– Ну, води, где ты тут обитаешь, – приказала Анжела (она уже поняла, как ей надо вести себя этим недомерком).

– Вот сюда, вверх по этой лесенке, – зачастил Овечкин. – Только аккуратненько, она крутая.

Анжела величаво повела подбородком, сошла с асфальта и затупала каблучками своих туфельек по утоптанной земле. Овечкин семени сзади и глаз не мог оторвать от грациозно ступающих стройных ног в телесного цвета колготках. Ему уже сейчас хотелось протянуть руку и осторожно погладить одну из этих изумительных ножек, но он сдержал себя.

Анжела между тем подошла к лестнице, оглянулась на Овечкина, и стала медленно подниматься в сторожку. Следом, пыхтя от охватившего его возбуждения, торопливо передвигал свои короткие ноги Коля.

Войдя в сторожку, Анжелика оглянулась по сторонам и поморщилась – в таких условиях ей еще не приходилось работать: каморка три на два метра, обшарпанные стены, затоптанный пол, мухи жужжат под низким потолком...

Но – работа есть работа, деньги за которую уже уплачены. И отрабатывать, видимо нужно вот на этом топчане, неровно застеленном стареньким одеялом. Анжела села на него, натянуто улыбнулась глядевшему на нее во все глаза с деге-

неративно открытым ртом (казалось, слюна вот-вот закапает с его оттопыренной мокрой губы) Овечкину, и стала медленно раздеваться.

10

– Ну, а ты чего ждешь? – наконец спросила она Овечкина. – Время-то идет. Да запри дверь.

Коля тут же накинул крючок на петельку (правильно, никто не должен помешать их счастью), и присев на заскрипевший краешек топчана, стал раздеваться, не в силах оторвать глаз от голой небольшой, но крепкой еще груди девушки, от ее чуть припухшего животика, от темного треугольника чуть пониже.

– А резинка у тебя есть? – неожиданно спросила Анжела.

– Какая резинка? – не понял Овечкин. – Нет у меня тут никакой резины. Но если хочешь, сбегая на дом, там кто-то бросил дырявую камеру. Только зачем она тебе?

Анжелика захохотала так, что топчан под ней затрясся.

– Подай мне сумочку, – простонала она сквозь смех.

Овечкин потянулся к столу, стянул с нее дамскую объемную сумочку, подал девушке. Оксана достала из нее цветную маленькую упаковку с «резинкой», надорвала ее...

Пока она возилась, Овечкин разделся догола и лег рядом, судорожно вздыхая и смотря в потолок. Он не знал, что ему дальше делать. Вернее, интуитивно догадывался, но вот приступить к этому ему пока не хватало решимости.

Анжелика достала, наконец, презерватив, обернулась

к Овечкину и громко ойкнула: то, что воинственно торчало у ее клиента, чему и положено торчать у мужчины по соседству с обнаженной женщиной, никак не могло принадлежать ему. Это вступало в полное противоречие с анатомическими пропорциями и должно было принадлежать мужику двухметрового роста, но никак ни этому недомерку. Но что выросло, то выросло.

И Анжелика, боязливо помаргивая, натянула эластичную резинку на этот несоразмерный с его обладателем орган. Чего Овечкин выдержать уже никак не смог, и с рычаньем набросился на Анжелику.

11

Он не понял, успел ли он что-нибудь сделать, потому что раздался громкий треск, а потом визг Анжелы, и они оба оказались на полу, среди рухнувших под тяжестью их тел досок самодельного топчана.

Овечкин очень сильно ушиб колено, но Анжеле досталось больше – у нее была содрана кожа на виске, а попу украсила большая кровоточащая царапина.

– Я щас, щас, где-то у меня аптечка была, – бормотал Овечкин, выбираясь из развалин любовного ложа и пытаясь поднять за руку Анжелу. Но та отмахивалась от него и разыскивала среди упавших с кирпичей досок и скомканного одеяла предметы своей одежды, аккуратно сложенные ею перед этим в углу топчана.

Она кое-как оделась и села на один из двух расшатанных

стульев у стола. С неприязнью посмотрела на пластикового «Толстяка», потом махнула рукой и, отвинтив крышечку, осторожно налила еще холодное пиво в заботливо приготовленную Овечкиным кружку. Все так же молча сделала из нее несколько глотков. И только потом посмотрела на Колю, и ее снова затрясло от смеха.

Овечкин сидел на полу, в чем мать родила, и натягивал на себя широкие сатиновые трусы в крупный горошек. Рядом лежали его смятый комбинезон, майка, грубые рабочие башмаки. И вывалившийся из кармана комбинезона резиновый гномик.

12

– Да этот чудик на тебя похож! – присмотревшись, сказала Анжела. – Такой большеголовый, носатенький. Кто это?

– Мой друг Гномик, – справившись, наконец, с трусами, сказал Овечкин. – Он умеет пищать.

И подобрав гномика, легонько сжал. Гном недовольно пискнул.

– Да у него и голос как у тебя! – снова засмеялась Анжела. – Ну вы и чудики!.. Итак, братья гномики, чего будем делать дальше?

– Щас я почию кроватку, – виновато и с готовностью сказал Овечкин, косясь на закинутые одна на другую ноги Анжелы. – Пару минут!

– Ничего ты уже не успеешь, дурачок! – неожиданно грустно сказала Анжела, дотянулась рукой до взлохмаченной

головы Овечкина и ласково погладила его. – Вот-вот Боба должен подъехать. Скажи честно, у тебя были до меня женщины?

– Неа, – сокрушенно помотал головой Коля. – Ты была бы первая, вот!

– Была бы... – эхом повторила за ним Ангела. – Бедненький!

– Бип, бип, биииииппп! – слышался с улицы раздраженный автомобильный сигнал.

Ангела негромко чертыхнулась и, сунув ноги в туфельки, выскочила на улицу.

13

Овечкин припал к окну. Он видел, как полуодетая Ангела подошла к давешней черной иномарке и, не обращая внимания на заинтересованные взгляды редких прохожих, о чем-то долго говорила с водителем. Мордоворт мрачно слушал ее и отрицательно мотал головой. Ангела продолжала его в чем-то убеждать.

В конце концов, Боба ожесточенно сплюнул через открытое окно на асфальт, махнул рукой, и резко сорвал машину с места. Ангела, грациозно покачиваясь на своих туфельках, направилась к сторожке.

– У меня рабочий день закончился, – сказала она Овечкину, закрывая за собой дверь. – Ты не возражаешь, если я немного побуду с тобой?..

У волнующегося Коли в это время в руке был зажат рези-

новый гномик. И они оба тут же радостно пискнули...

Роман с Юриком

Ольга Андреевна в полном одиночестве – а впрочем, с кем же еще, если она была одинокой женщиной? – в субботу пила свой ритуальный предобеденный чай на кухне, когда до ее слуха донесся невообразимый, хотя и приглушенный, гвалт. Шумели, по всему, на площадке.

Ольга Андреевна весело удивилась: «Ну, надо же, день еще только начинается, но зато как!». Она могла бы продолжить пить свой чай, гвалт этот ей особенно не мешал. А если добавить громкости работающему на холодильнике телевизору, то этого утреннего скандала и вообще могло быть не слышно.

Но Ольга Андреевна, как истинная женщина, напротив, убавила звук телевизора и осторожно вышла в прихожую, выглянула в дверной глазок. Уж так устроены женщины, что им крайне необходимо знать, где скандалят, если где-то скандалят, и из-за чего скандалят. Хотя в данном случае Ольга Андреевна, даже не прибегая к дверному глазку, сто процентно была уверена, что гвалт подняли живущие напротив ее квартиры супруги Шишаковы. Потому что скандалили они с пугающей регулярностью, и оставалось только удивляться, как они друг друга до сих пор не поубивали.

Когда Ольга Андреевна приникла к дверному глазку, то увидела: точно, галдят Шишаковы. Причем глава семейства

Шишаковых Юрик – его только так и звали во всем доме, несмотря на сорокалетнийслишним возраст, – находился на лестничной площадке, в обычных своих надутых на коленях трениках, в потрепанной футболке и в стоптанных тапках. А жена его Натаха была в квартире.

И вот Юрик рвался домой, и один из стоптанных его тапков был уже почти там, вернее – в дверном проеме. Ну, а Натаха не пускала его и выпинавала Юриков тапок своей мощной ступней в вязаном носке. И ей, дородной тете, оборону держать удавалось куда лучше, чем тощему Юрику взять приступом родные пенаты.

– Уходи, козел! Уходи туда, откуда пришел! – толстым басом кричала Натаха.

– Пусти меня домой, Натаха! – фальцетом верещал в ответ Юирк. – Пусти, сука, а то убью!

– Кто, ты? Заморыш! – демонически хохотала Натаха. – Да если захочу, шею тебе сломаю, шпендик! Иди, откуда пришел! Иди к своей Ирке!

– Да из гаража я пришел! – плачуще кричал Юрик, бия себя в грудь. – У Олега в гараже был! Мотоцикл мы ему ремонтировали! Какая там, на фиг, Ирка?

Но Натахе удалось окончательно выдавить Юрикову ногу с его же законной жилплощади. Дверь мстительно захлопнулась перед самым его носом, и он остался на площадке один.

– Вот сука, а? – потерянно бормотал Юрик, озираясь по сторонам – не видит ли кто его позора. Но на площадке

стояла тишина. То ли никого по причине выходного дома не было, то ли соседи также деликатно, как Ольга Андреевна, топтались у дверных глазков.

Ольга Андреевна жалостливо вздохнула при виде того, как сиротливо Юрий прислонился спиной к стене у своей двери и о чем-то глубоко задумался.

«А ведь мог бы уйти опять в гараж, где он, похоже, до этого выпивал с Олегом. С этим, наверное, который в соседнем подъезде живет. Но ведь не уходит. Домой вон рвется. Кушать, наверное, хочет, бедный. Какая там могла быть закуска в гараже? А эта мегера его не пускает», – с сочувствием думала Ольга Андреевна, не отрываясь от глазка.

Она немного знала Юрика. Он был мастеровитым парнем и даже несколько раз помог одинокой соседке – отремонтировал как-то утюг по ее просьбе, потом – протекающий кран, как-то даже сумел заставить заработать замолчавший кухонный телевизор. Ну, а взамен мог обойтись и простым «спасибо», хотя Ольга Андреевна всегда честно давала ему немного денег за выполненную работу. Натаха, кстати, знала о том, что Юрий иногда приходит на помощь одинокой соседке, но ничего против этого не имела. Ольгу Андреевну она в расчет как женщину не брала: та была и старше Натахи, и внешность, на ее взгляд, имела самую заурядную.

В общем, вполне безобидный был человек Юрий, и руки у него росли, откуда надо. Ну, выпивал, правда, да кто у нас не пьет? Но Натаха гнобила его вовсе не за этот рядовой,

в общем-то, мужской грех, а жутко его ревновала. Причем не просто ревновала, а адресно – к первой жене Юрика, Ирине, которая когда-то была подругой Натахи, и у которой Натаха и отбила с десяток лет назад Юрика.

Ирина жила в доме напротив, замуж так больше и не вышла, и это очень бесило Натаху. Она думала, что Ирина ждет, когда Юрий вернется к ней обратно, и в очередном пароксизме ревности сама же и гнала Юрика к Ирине. Обо всем этом Юрий как-то горестно поведал Ольге Андреевне в порыве откровенности, когда перепайвал ей штеккер к телевизионному кабелю.

– Натаха, ну пусти домой, жрать же хочется, – снова заскребся в дверь Юрий. Но закусившая удила Натаха молчала где-то там, в глубине квартиры.

И тогда, буквально исходившая жалостью к Юрику, Ольга Андреевна решилась и открыла свою дверь.

– Юрий, – негромко сказала она. – Если хотите, зайдите ко мне...

– Чего еще? – недовольно буркнул Юрий. Похоже, он застеснялся того, что соседка, видимо, слышала весь этот скандал. Впрочем, то, как они орали пять минут назад, должен был слышать весь подъезд их старой пятиэтажки.

– Я говорю, вы не посмотрите мой электрочайник? – сменив тактику, извиняющимся тоном сказала Ольга Андреевна.

– Чайник? Это можно, – степенно ответил Юрий. Еще раз

покосившись на свою дверь, он вошел в соседскую прихожую и прошел вслед за Ольгой Андреевной на кухню. Там он потрогал синий пластиковый бок чайника, с удивлением посмотрел на Ольгу Андреевну – чайник был еще горячим, – надавил пальцем на клавишу включателя. Чайник тут же зашумел.

– Так он у вас рабочий, – с недоумением сказал Юрик.

– Странный какой-то, – округлила глаза Ольга Андреевна. – То работает, то не работает. Что-то, наверное, у него там заедает.

– Так давайте вылейте из него воду, я разберу и посмотрю, – вздохнув, сказал Юрик. – Время у меня есть.

– Может, пока он горячий, чаю попьем? – неуверенно предложила Ольга Андреевна. – Я еще и сама не пила. С бутербродами, а?

– Чаю? Да можно, – безо всякого энтузиазма сказал Юрик, усаживаясь за стол. И чуть поколебавшись, застенчиво спросил:

– А нет у вас чего покрепче, Ольга Андреевна? Уж извините.

– Покрепче? Нету, – с сожалением сказала Ольга Андреевна. И внезапно оживилась, что-то вспомнив. – А шампанское пойдет? С нового года осталась бутылка.

– Шампанское? Не люблю я его вообще-то, – огорчился Юрик. – Хотя ладно, тащите свое шампанское.

Они выпили по одному бокалу шипучего напитка, по вто-

рому. Юрик заметно ожил, Ольга Андреевна тоже порозовела, кстати и некстати хихикала в ответ на Юриковы анекдоты, которые посыпались из него один за другим. Правда, достаточно приличные. Ольга Андреевна с удивлением обнаружила, что Юрик нравился ей все больше и больше. Да и Юрик, не будь дурак, заметил это, и все чаще брал Ольгу Андреевну во время разговора за руку, и пару раз даже положил ладошку под столом ей на теплое круглое колено.

Но тут так некстати закончилось шампанское. И Юрик также неожиданно резко заскучал, как перед этим развеселился.

– Ну, я пойду домой, что ли, – помявшись, сказал он. – А то меня Натаха потеряла уже, поди.

Ольга Андреевна совершенно неожиданно для себя расстроилась, и уже хотела было съязвить насчет того, как Натаха «потеряла» Юрика, но тут в дверь неожиданно позвонили.

– Пойду, посмотрю, кто там, – с деланным равнодушием сказала Ольга Андреевна.

Она открыла дверь. За ней стояла Натаха. Все в том же цветастом халате, в тех же вязаных носках. Вид у нее был несколько встревоженным.

– Андреевна, – сказала Натаха. – Юрик к тебе, случайно, не забредал? Все вокруг обегала, а его нет нигде.

Ольгу Андреевну, несколько захмелевшую от шампанского, внезапно покорило вот это вот, показавшееся ей пре-

небрежительным: «...случайно не забредал?» А что, к ней только «случайно» можно «забрехать»?

– Нет, не забредал, – сухо сказала Ольга Андреевна, и хлопнула дверь перед самым носом растерявшейся Натахи.

И когда повернулась, чтобы снова уйти на кухню, ойкнула от неожиданности. За спиной у нее стоял Юрик.

– Ты зачем соврала, что меня нет? – неожиданно грубо сказал он. – Чё теперь Натаха подумает, если застукает, когда я выходить от тебя буду?

– Если так боишься ее, то становись вот к глазку, карась, – придя в себя, насмешливо сказала Ольга Андреевна. – Как только Наталья побежит вниз искать тебя на улице или уйдет домой, вылетай на площадку. И пулей домой! Совесть чего-нибудь... Хотя... Хотя она, по-моему что-то все же заподозрила, и сейчас сама будет наблюдать за моей дверью через глазок.

– Да кто боится-то? Я? Да я ничего не боюсь, – захорхорился Юрик и даже выпятил тощую грудь. И когда Ольга Андреевна хотела пройти мимо него, он внезапно облокотился на нее и прижал к стенке, начал суетливо шарить руками по ее невыдающимся бедрам, маленькой, но еще на удивление крепкой груди.

Ольга Андреевна молча и яростно начала вырываться из цепких Юриковых объятий, уклоняться от его сухих колющих губ.

– Ну чё ты ломаешься-то, а? – бормотал Юрик, стараясь

уронить Ольгу Андреевну на пол прямо здесь, в прихожей. – Ты же сама хочешь, я же чувствую.

Гибкое и субтильное, трепетно бьющееся в его руках тело Ольги Андреевны, которое он, в отличие от пышных форм Натахи, мог обхватить все сразу, привело его в крайнее возбуждение. Отчаянно пыхтя, Юрий прорвался к трусикам Ольги Андреевны и потащил их вниз.

– Постой, дурак, не здесь, – задыхаясь и пытаясь оторвать от себя эти невыносимо жадные руки, прошептала Ольга Андреевна. И в нелепом танце, так и не отрываясь друг от друга, они «провальсировали» к дивану в гостиной, упали на него, и как в каком-нибудь дешевом порнофильме, одновременно стали срывать друг с друга одежды.

А потом их руки-ноги переплелись, и диван под ними затрясся как припадочный. И вскоре тесную квартирку одинокой, давно не знавшей мужской ласки женщины огласило Юркино рычание и тонкий, захлебывающийся визг самой Ольги Андреевны.

Апофеоз этой сексуальной вакханалии совпал с непрерывной трелью дверного звонка и грохотом чьих-то ударов в дверь же. Ольга Андреевна и Юрий испуганно посмотрели друг на друга: даже отсюда, с дивана было слышно, как бесновалась там, за дверью, Натаха:

– Оля, сука, открывай! Юрий, тварь, выходи! Я вас убиваю к ****ой матери! Животные!!!

– Всё, кирдык мне! – в ужасе схватился за голову Юрий. –

Сейчас она дверь высадит, и точно кирдык! И тебе тоже, Ольга Андреевна!

– Не паникуй, – приводя себя в порядок, сказала Ольга Андреевна. – Мужчина ты или нет?

– Какое это сейчас имеет значение! Ты не знаешь Натаху! Она, когда злится, не контролирует себя, – продолжал паниковать Юрик. – Что будем делать, а? Черт меня к тебе принес...

– Заткнись и слушай сюда! – жестко оборвала его Ольга Андреевна. – Прятать тебя в квартире нет смысла – нигде, да и найдет тебя Наталья. Так что выход у тебя один: иди на балкон, и спускайся вниз.

– А какой у тебя этаж? – испуганно спросил Юрик. – А, вспомнил, третий. Но это же высоко!

– Ну, как знаешь, – пожала плечами Ольга Андреевна. – Сиди и жди свою Натаху. Она вот-вот будет здесь. Дверь у меня не стальная, сам знаешь...

Последние слова подстегнули Юрика к решительным действиям. Он проворно выскочил на балкон, перекрестился, перелез через него и, держась за прутья обрешетки, попытался дотянуться ногами до кромки балкона второго этажа. Но ноги для этого у него оказались коротковаты. И тогда Юрик на весу качнулся несколько раз, разжал руки и послал свое тело на нижний балкон. Ему не хватило, может, быть, сантиметра три-четыре. Упав спиной на ребро балкона, Юрик взмахнул руками и, ловя ими воздух, молча устре-

мился головой туда, куда его потянул центр тяжести тела – вниз.

Наблюдающая со своего балкона за его манипуляциями, Ольга Андреевна в ужасе зажала рот ладошкой и закрыла глаза: «Господи, неужели разбился!?»

Но донесшиеся снизу приглушенные матюки заставили ее открыть глаза и снова посмотреть вниз. А там Юрик, удачно свалившийся на недавно разбитую и оттого еще пухлую и мягкую клумбу, вылез из нее и, чертыхаясь, отряхивал свои испачканные в земле треники.

И хотя вверх он не смотрел, Ольга Андреевна заговорщицки помахала ему рукой и с легкой совестью пошла открывать трясущуюся под ударами Натахи дверь.

– Где эта сволочь? – прошипела Натаха и, отбросив к Ольгу Андреевну к стене, зарыскала по ее квартире. – Куда ты его спрятала, признавайся, хищница! Ишь, тихушница какая! Я все слышала, гадина, как вы тут визжали.

– Да больно мне нужен твой Юрик, – презрительно поджала губы Ольга Андреевна, насмешливо наблюдая за метаниями Натахи. – Говорю же тебе, не было его здесь...

– Да-а? – вдруг взвыла она. – А это что?

И вытащила предательски выглядывающий из-под дивана один из стоптанных Юриковых тапков...

Ключ

Последние два месяца Виктор не ходил – летал. И этому способствовали два обстоятельства. Он, в свои тридцать пять, имея в активе жену и двоих ребятишек, влюбился как пацан.

И отныне всегда находился в состоянии душевного подъема, все вокруг казалось ему необыкновенно привлекательным, освещенным его любовью к Татьяне.

Второе же обстоятельство было прямым следствием первого: внутренние переживания – он чувствовал вину перед кроткой своей женой и детьми, дочерью и сыном, – сопряженные с самым разнузданным сексом, как только он дорывался до Татьяны, буквально истожили его, он очень похудел.

И, тем не менее, Виктор чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Татьяна, прехорошенькая шатенка тридцати лет, тоже, кстати, замужняя, сама выбрала его и первой сделала шаг к их сближению.

Они работали под одной крышей огромного строительного треста, только в разных кабинетах и даже на разных этажах: она в профкоме методистом по культурно-массовой работе, он корреспондентом многотиражной газеты.

На работе встречаться было нельзя, да и возможности та-

кой не было, поэтому Виктор и Татьяна эти два месяца попеременно искали квартиры среди своих друзей и знакомых для конспиративных встреч.

Там, после бурных ласк, Татьяна жаловалась Виктору, что муж изводит ее беспочвенной ревностью и вообще не понимает ее – и как только она могла выйти за такого невежу замуж? Вот то ли дело Виктор: спокойный, благородный, интеллигентный, все понимающий...

Виктор со своей стороны на жену пожаловаться не мог, да и не мужское это дело. И думал только об одном: ну почему Татьяна не попалась ему раньше, до того, как судьба свела его с сегодняшней женой Ириной, ставшей матерью двоих его детей?

У Татьяны, кстати, тоже был девятилетний сын. И это его ключ на шнурке сейчас лежал в кармане у Виктора. Муж Татьяны Алексей уехал в длительную командировку, получать новые тепловозы для депо, в котором он работал каким-то начальником.

И на эти дни Татьяна, с одобрения отъезжающего мужа и с согласия свекрови, перебралась пожить с сыном к ней. Так что квартира ее в эти дни пустовала, вот она и отдала сынов ключ Виктору, чтобы тот мог пораньше удрать с работы ближе к обеду или к концу дня (это варьировалось) и там дожидаться ее.

Соседей по ее площадке в это время обычно никого не было дома – все они работали где-то далеко в городе и даже

за городом, так что никто из них никогда не видел чужого мужчину, отпирающего дверь не своей квартиры. Ну, а Татьяна как хозяйка регулярно приходила к себе поливать цветы.

Они уже трижды повстречались здесь (через день), и он каждый раз нетерпеливо набрасывался на свою обольстительницу, как только она возникала на пороге.

Виктор был в полном восторге от своей любовницы – Татьяна позволяла себе и ему в постели такое, о чем в интимных отношениях со скромницей-женой он даже и мечтать не мог.

Татьяна же с очаровательной улыбкой просвещала его, говоря, что только настоящая любовь раскрепощает мужчину и женщину. И, конечно же, тех полутора-двух часов, которые влюбленным удавалось оторвать от своего рабочего времени для себя, было недостаточно.

Виктор рассчитывал повстречаться с Татьяной и в эту пятницу. Но она неожиданно позвонила ему сама с утра и сказала, что, к сожалению, в этот день ничего у них не получится – ей целый день, включая и обеденный перерыв, надо быть на городской профсоюзной конференции.

О встрече в выходные и речи быть не могло – их и Виктор, и Татьяна пока еще целиком посвящали своим семьям. Так что очередное свидание должно было состояться только в понедельник, накануне возвращения мужа Татьяны из командировки.

Погрустневший, Виктор, ведомый безотчетным чувством, на обед пошел не в трестовскую столовую, а в кафешку напротив дома Татьяны – она жила неподалеку, всего метрах в ста от места работы.

И уже проходя мимо ее дома, вдруг вспомнил, что Татьяна сегодня вряд ли польет свою любимую голубоцветную гортензию – после конференции, которая проходила в ДК «Энергостроитель», она, скорее всего, сразу поедет к сыну, то есть домой к свекрови. Так что цветы она в лучшем случае приедет полить только в субботу, а то и в воскресенье.

И Виктор с большой охотой повернул к знакомому подъезду, решив сам сегодня поухаживать за гортензией и тем самым сделать приятное любимой.

А еще ему просто снова захотелось очутиться в их комнате, посидеть на том диване, на котором они провели с Татьяной несколько чудесных часов, и если ничто им не помешает, еще успеют позаниматься здесь любовью и в понедельник.

Ну, а дальше... Дальше, вероятно, надо будет, открываться жене и просить у нее развод. То же самое должна будет сделать и Татьяна – ну, сколько можно прятаться, обманывать?

Правда, как все будет у них дальше складываться, где они будут жить – Виктору все это представлялось смутно. Наверное, придется снимать какое-то жилье, а там, возможно, вообще уехать из этого города, чтобы им никто не мешал.

Погруженный в эти размышления, Виктор и не заметил,

как поднялся на третий этаж и остановился перед знакомой дверью, аккуратно оббитой позолоченными гвоздиками поверх темной, почти черной кожи.

Он достал из кармана ключ со шнурком, вставил его в скважину. Но ключ вошел не полностью. Виктор вынул его, перевернул, и снова попытался вставить. Но безуспешно.

Ничего не понимая, Виктор даже вспотел от усилий. Дверь оставалась неприступной.

И только тут до Виктора дошло – видимо, с той стороны в замке оставлен ключ. Значит, Татьяна дома! Это что же получается – ни на какую конференцию она не пошла? Почему? Может, заболела? Может, ей плохо?

Переполошившись, Виктор стал давить на кнопку звонка, несильно стучать кулаком по мягкой обивке.

И тут его как обожгло: а вдруг это муж Татьяны раньше времени вернулся из командировки и теперь сидит там, за дверью, дожидается своей жены. А если он сейчас откроет дверь и увидит Виктора, то как быть?

Что ему сказать, чем объяснить свою попытку проникновения в чужое жилище? Воспользоваться тем, что Алексей не знает его, и сказать, что перепутал квартиру? А если Алексей помнит всех своих соседей в лицо и не поверит ему, да еще и узнает ключ своего сына? Вот вляпался!

Виктор торопливо спрятал ключ в карман брюк, и почти тут же распахнулась дверь. На пороге с испуганным, затем ставшим просто сконфуженным, лицом стояла Татьяна и, пе-

реминаясь на своих чудных оголенных ногах, зябко куталась в коротенький халатик.

Виктор обрадовался.

– Так ты дома, – с облегчением сказал он, и попытался пройти в квартиру. Но Татьяна не попятилась назад, не шагнула в сторону, чтобы впустить Виктора. Напротив, она даже прикрыла за собой дверь и стояла перед ней, перегораживая вход.

Это неприятно насторожило Виктора.

– Что случилось, почему ты не на конференции? – севшим голосом спросил он.

– Да так, – пожала плечиками Татьяна. – Приболела я...

Однако на заболевшую Татьяна никак не походила. А совсем наоборот. Растрепанные волосы, тот самый румянец, который расцветал на ее обычно бледных щеках во время их занятий любовью, этот знакомый, вызывающе коротенький халатик, и вот еще – небольшое багровое пятно на шее справа, – все эти приметы говорили о том, что ей только что было хорошо. Так, как, еще недавно ей было хорошо с ним, с Виктором. А может, еще лучше – во всяком случае, Виктор таких засосов на ее шее не оставлял.

Интересно, а как же она будет оправдываться перед своим мужем, который вернется из командировки, как говорила Татьяна, всего через четыре или пять дней?

Поток этих сумбурных мыслей нарушила сама Татьяна.

– Мы с тобой в понедельник встретимся, ладно, Витю-

ша? — сказала она каким-то не своим голосом, в котором прозвучали нотки фальши. И они больно резанули слух Виктора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.